

ИМАГОЛОГИЯ

УДК 82.06 (571.1/5)

DOI: 10.17223/24099554/8/3

В.С. Киселев

ТОМСК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Статья посвящена анализу состояния исследований о Томске как центре литературной жизни. Выявляются основные методологические тенденции современного сибиреведения и ставится вопрос о возможности их применения к томскому материалу. В работе предпринята попытка наметить и описать ключевые слагаемые томского локального текста: центральные мифологемы, литературные отражения городской топографии, художественную антропологию. Второй предмет статьи – исследования литературного процесса Томска, в которых постепенно соединяются персонально-биографический и институциональный подходы. Работа предлагает краткий обзор институциональной истории томской литературы.

Ключевые слова: сибирская литература, литературный регионализм, Томск, томский локальный текст, литературная жизнь Томска.

Взлет литературной регионалистики – примета эпохи глобализации, отмеченной, с одной стороны, интересом к масштабным литературным явлениям на стыке разных культур, а с другой – вниманием к отдельным идентичностям, до поры рассматривавшимся как интегральная часть национальной словесности. Не является исключением и отечественное литературоведение, где исследование литературы регионов в их отношении к общероссийскому литературному процессу и во внутренней специфике также приобретает все большую значимость, будучи не просто способом познания литературного прошлого, но и частью культурного конструирования настоящего и будущего. Литература – важная часть символического капитала, и регион, который им разумно пользуется, формируя

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-14-70002 а(р) «Русские писатели в Томске: томский локальный текст и региональный литературный процесс».

представление о самобытности, о наличии знаковых писательских фигур, о произведениях, составляющих местный литературный канон, становится различимым на культурной карте страны и мира и обретает тем самым дополнительную привлекательность¹.

Применительно к Томску подобная работа проделана далеко не в достаточной степени. Установление масштаба и своеобразия Томска как важного литературного центра не только Сибири, но и России в целом, с полной реконструкцией поля литературных отношений со столицами и соседними регионами – задача масштабная, требующая долговременных усилий. Это позволит показать значимость «томского текста» в русской литературе, восполнить многие лакуны в жизни и деятельности литераторов, связанных с Томском, и создать основу для развития историко-литературных исследований, важных для регионального самосознания и укрепления местной идентичности.

Современное российское сибиреведение, включающее в себя и томский материал, разнообразно в исследовательских подходах. В нем соседствуют работы, опирающиеся на концепции «локального текста», геопоэтики, «областных гнезд», на методологии мультикультурного и постколониального анализа. Подобная плюралистичность пришла на смену первому масштабному опыту концептуализации, предпринятому в «Очерках русской литературы Сибири» (1982) [2] и «Истории русской литературной критики Сибири» (1989) [3]. Свой вклад в эти исследования внесли томские ученые – Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, О.Б. Лебедева, А.П. Казаркин. Культурной и методологической предпосылкой здесь выступило представление о Сибири как специфическом регионе, сформированное и укрепившееся в том или ином виде в массовом сознании с подачи областников XIX в. Основатели областничества, прежде всего Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, видели в Сибири огромное по масштабам, но внутренне единое социально-экономическое и культурное пространство, для которого местные различия имеют факультативный характер.

В 1990–2010-е гг. краеведческие разыскания, опиравшиеся на предшествующий опыт ученых-энтузиастов и связанные с отдельными городами (Иркутск, Красноярск, Томск, Тобольск, Тюмень, Бийск, Новосибирск) или этническими территориями (Алтай, Гор-

¹ Особенно показателен в этом плане амбициозный проект академической «Истории литературы Урала» [1].

ный Алтай, Якутия, Бурятия), получили новый импульс. С точки зрения некоторых критиков, это ознаменовало размывание сибирской идентичности: «Сейчас бросается в глаза разрушение общесибирского самосознания, – писал, в частности, А.П. Казаркин. – Часть замещает целое: иркутяне, омичи и красноярцы – все пишут только о «своих». Уже изданы книги по истории и литературе Кузбасса, Алтая, Тюменской области – вне связи с большой Сибирью» [4. С. 32]. Между тем, думается, большее внимание к отдельным локусам – явление вполне естественное и отражающее усложнение и самого литературного процесса, и его понимания в науке о литературе, когда Сибирь предстает не просто интегральным культурным конструктом, но системой местных различий, пульсацией литературных центров. Это не отменяет генетических связей с областнической сибирской концепцией, регулярно актуализируемых в сборниках и монографиях последних десятилетий, в том числе изданных в Томске [5–7].

В современном ее литературоведческом бытовании, как справедливо констатировал К.В. Анисимов, доминируют два подхода: «Первый <...> продемонстрировал в 2002 г. В.И. Тюпа, охарактеризовавший комплекс сибирских мифологем в классических произведениях литературы XIX в. как трансформацию архетипов инициационной обрядности [8]. Другой ракурс проблемы – понимание сибирского текста как аутентичной локальной словесности, катализатором к формированию которой служит территориальная идентичность <...> [9, 10]. Обе точки зрения являются взаимодополняющими – в соответствии с логикой самого материала, который представляет собой, с одной стороны, огромный массив текстов “о Сибири” <...> а с другой – опыт становления сначала местной рукописной, а затем и литературной в собственном смысле традиций» [11. С. 3].

Имагологическое наполнение и региональная идентичность сохраняют свою значимость как два основных ориентира в изучении отдельных сибирских локусов. Истоком своим оба подхода имеют методологии краеведческих изучений, сформировавшиеся еще в 1920-е гг., в частности концепцию Н.К. Пиксанова, обретшую итоговый вид в книге «Областные культурные гнезда» (1928) [12]. Ученый наметил возможность говорить о русской литературе не только как столичной, ассоциируемой с Санкт-Петербургом и Москвой, но и как имеющей территориальные особенности в виде местных писа-

тельских сообществ, сохранявших устойчивость и воспроизводимость: «определенный круг деятелей, постоянная деятельность и выдвижение питомцев» [12. С. 62–63]. Главным предметом изучения здесь становилась преимущественно биографическая локализация, когда тот или иной пункт – «усадебный», «провинциальный», «столичный» – выступал долговременной точкой притяжения и местом коммуникации ряда литераторов. Н.П. Анциферов, чья концепция складывалась параллельно пиксановской, переместил сферу внимания на тематические комплексы, сопровождающие репрезентацию определенного топоса (города) и особенно устойчивые у круга биографически связанных с ним писателей [13, 14]. Из установок этих ученых выросла программа сибиреведческих исследований М.К. Азадовского 1930-х гг., нацеленная на выделение в русской литературе не просто местной тематики или биографических свидетельств, но сознательного конструирования литераторами культурного поля Сибири. Концепция М.К. Азадовского получила последовательное воплощение в «Очерках русской литературы Сибири» (1982).

Легитимации и широкому распространению данной методологии на сибирский материал дал толчок комплекс новых идей, связанных, прежде всего, с экспансией концепции «локального текста» В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана. Созданная в 1980-е гг. и соединившая на семиотической основе историко-культурный и поэтологический подходы к изучению столичной топографии, она быстро была спроецирована как на провинциальные локусы – Архангельска, Петрозаводска, Челябинска, Перми, Старой Руссы, Соловков и др., так и на региональную специфику Крыма, Кавказа, Урала, Прибалтики, Украины и т. д. (см. опыт подведения некоторых итогов в кн. [15]). По отношению к Сибири эта концепция пока применяется преимущественно интегративно – в виде постулирования сибирского текста русской словесности, хотя настойчивые усилия прикладываются, в частности, к разработке отдельного алтайского текста [16, 17]. Литературная семиотика городов и урочищ Сибири представлена на данный момент лишь отдельными опытами. Тем не менее наличие и увеличение количества подобных работ – явление симптоматическое и отражающее усложнившуюся в советский и постсоветский период литературную символизацию территорий.

К сожалению, Томск, имея реальные к тому предпосылки, как средоточие особого локального текста до настоящего времени фак-

тически еще не описан. Основным препятствием здесь служит, думается, малое внимание к специфическим мифологемам, устойчиво сопровождающим репрезентации города и выделяющим его на ментальной карте региона и страны в целом. Они кристаллизуются в российском и местном культурном сознании достаточно поздно – к концу XIX в. – и получают свое основное развитие уже в советский период. Возможно, именно историческая близость не позволяет пока в полной мере почувствовать мифогенный характер ряда образов и мотивов, центрирующих томский текст русской литературы, далеко не столь яркий как столичный и требующий большей тонкости для его экспликации.

В исследованиях последних лет, что отражает актуальные тенденции социокультурного позиционирования города, была намечена роль университетской семантики, воплощенной в метафоре «Сибирские Афины» и ставшей, по определению З.И. Резановой, «базовым мифом» как для репрезентации Томска в русской литературе в целом, так и для семиотического структурирования городского культурного пространства [18–20]. Основание (1878) и открытие (1888) первого за Уралом университета резко выделило Томск среди сибирских городов, выступило важнейшей вехой для регионального самосознания и определило восприятие локуса внешними реципиентами. Для местной культурной элиты, и разделявшей, и не разделявшей идеи областничества, университет мыслился воплощением цивилизационного прогресса, что позволяло внести в концептосферу и мифологию Сибири с ее мотивами природного богатства, сурового климата, первозданности, фронтирности, места каторги и ссылки, смерти и воскресения – новый сюжет интеллектуального освоения, концентрации духовных сил. Использованное впервые князем К.А. Вяземским в 1891 г. уподобление Томска Афинам, касавшееся только топографии города (см. подробнее [20. С. 149–150]), оказалось органичным метафорическим воплощением данной семантики и неразделимо срастило общесибирское начало – онтологическое (природа), историко-социальное (каторга и ссылка) – и местную специфику (университетское культуртрегерство). В советскую эпоху с ее пафосом пересоздания мира и рождения нового человека подобный мифолого-метафорический комплекс оказался не менее востребован, что помогло сохранить стремительно провинциализирующемуся городу самоидентичность и культурную узнаваемость. Бытование томской университетской мифологии в созна-

нии и текстах литераторов общерусского и локального масштабов от А.П. Чехова и Н.И. Наумова до И.Г. Эренбурга и В.Д. Колупаева еще только начало осознаться как перспективная сфера изучения, но значение ее чрезвычайно велико.

Вторая мифологема, более узкая по своим масштабам, но также ставшая культурным символом и литературным репрезентантом Томска, имеет иную природу.

Это загадка старца Федора Кузьмича, прошедшего последние 6 лет своей жизни (1858–1864) в Томске, здесь умершего, похороненного в ограде Богородице-Алексеевского монастыря и ставшего месточтимым святым Феодором Томским (канонизирован в 1984 г.). Сложившаяся вокруг него легенда об удалившемся в Сибирь и обретшем новую судьбу императоре Александре I (оставим без обсуждения ее достоверность) породила обширный круг литературных текстов от «Сказания о жизни и подвигах раба Божия Федора Кузьмича» Е. Захарова (1892) до произведений Л. Толстого, А. Белого, Д. Андреева, Д. Самойлова, Т. Толстой, С. Заплавного (см. их комплексный анализ [21]). Знаменательно, что, получив мощный интерпретационный заряд в духовно-религиозных поисках Серебряного века, она не умерла и в советский период. По своей семантике эта легенда соответствовала сложившемуся в русской классической литературе метасюжету о Сибири как месте символической смерти, покаяния и воскресения, но местом ее локализации явился именно Томск. К сожалению, эта городская составляющая до настоящего времени не получила еще должного литературоведческого осмысления, необходимым контекстом которого, думается, было активное культурное конструирование, ведомое местной элитой.

Примечательно, что модернизационная («Сибирские Афины») и традиционалистская (старец Федор) мифологемы, намечающие границы томского локального текста русской литературы, родились фактически одновременно – в 1891 и 1892 гг., когда город стал одним из важнейших литературных центров Сибири, средоточием областничества, региональной журнальной жизни, книгоиздания. «Изобретение традиции», перспективное и ретроспективное, но неизменно связанное с Томском, отвечало как умонастроению томской интеллигенции, заинтересованной в выдвижении локальной символики, так и культурным запросам столиц, ищущих интегрирующие национальные сюжеты – секулярно-прогрессистские и религиозно-

мистические. Не окажись Томск к концу XIX в. заметным на культурной карте страны, возможно, не были бы замечены в общероссийском масштабе и связанные с ним сюжеты.

Безусловно, в структуру томского локального текста вошли и иные, немифологические, мотивы, производные, как правило, сибирской имагологии, но обретшие индивидуальную модификацию. Среди них томская ссылка и каторга, навсегда оставившие свой след в топографии города в виде Московского и Иркутского тракта, двух «ворот» каторжного Сибирского тракта. Тюремь, каторжные и ссыльные поселения – приметы многих сибирских городов, Тобольска, Омска, Красноярска или Иркутска, запечатленные в том числе в произведениях эпохальных, вроде «Записок из мертвого дома» Ф.М. Достоевского, однако Томск здесь выделяется обилием описаний. Редкостная концентрация талантливых литераторов, ссыльных, проезжих или сознательно выбравших город местом жизни, обязательно что-либо написавших о Томской пересыльной тюрьме или местной ссылке, делала этот пласт локального текста континуальным и плотно насыщенным, не распадающимся на отдельные зарисовки. От вольнодумца А.Н. Радищева к декабристу Г.С. Батенькову, петрашевцу Ф. Толлю, прародителю русского анархизма М.А. Бакунину, народникам В.Г. Короленко, Г.И. Успенскому, Ф.В. Волховскому, американскому путешественнику Дж. Кеннану, деятелям «Молодой Сибири» тянется нить в сталинскую эпоху – к судьбам и произведениям Н.А. Клюева, Н.Р. Эрдмана, Ф.И. Тихменева – и в «мемориальную» томскую литературу второй половины XX в., к Л.А. Гартунгу, В.Н. Макшееву, Ю.М. Варшаверу (Щеглову).

К сожалению, и тюремно-каторжная составляющая пока не получила связного осмысления в составе томской имагологии, оставаясь приметой творчества и биографии отдельных писателей. Между тем именно в соседстве с другими мотивами, в первую очередь университетским контекстом, мифологемой «Сибирских Афин», томским «золотым» периодом областничества 1880–1910-х гг., она приобретает уникальную семантику перехода от каторжной колонизации Сибири к ее культуртрегерскому освоению и интеграции – в трагическом единстве общероссийской судьбы, особенно пронзительном в 1920–1950-е гг. Интеллигент с каторжными корнями (в том числе уголовными, как В.А. Долгоруков или В.П. Картамышев) – социальный тип и литературный образ, пожалуй, ранее всего заявивший о себе именно в Томске, где культурная среда была наиболее насыщена.

Внимательное изучение позволит реконструировать и другие имагологические компоненты томского текста, образующие, с нашей точки зрения, образно-смысловое единство. Они, может быть, в меньшей степени актуальны как репрезентанты города для общероссийской аудитории, писательской и читательской, но погружают заглавную томскую мифологию и тематику в плотный порождающий контекст, наиболее отчетливый для обитателей, постоянных или временных, данного городского пространства.

Прежде всего, это ландшафтное окружение и топография. Так, расположение города на холмах подвигло князя К.А. Вяземского в 1891 г. на уподобление его Афинам, что породило центральную мифологему томского локального текста. Через десятилетие, к началу XX в., топография города оказалась способна генерировать уже детализированные литературные образы в «Томских трущобах» и продолжающих их романах В.В. Курицына, заимствующих тип хронотопа из французских (Э. Сю) и русских (В.В. Крестовский) претекстов, но использующих сугубо местные реалии в виде четко опознаваемых районов, улиц, переулков, конкретных домов. Туземные топографические легенды (Ушайка, Басандайка, камень Тояна и т.п.)¹ в томском литературном тексте органично соединились с биографическими преданиями о резиденциях губернаторов (Д.В. Илличевский), дачах купцов (С.Е. Сосунин), проектах культурных деятелей (Г.С. Батеньков, П.И. Макушин), с храмовой (Богородице-Алексиевский монастырь, разрушенный Троицкий собор, Красная мечеть и др.) и университетской (роща, главный корпус, научная библиотека) пространственной символикой, тюремно-каторжными реалиями, некрополями [23] и местами памяти в виде площадей (Ново-Соборная), садов (Лагерный сад, Буфф сад) и памятников (П.И. Макушину, Г.С. Батенькову, Г.Н. Потанину, А.П. Чехову).

Реконструкция поля их литературных отражений в произведениях локального и общероссийского масштаба – отдельная большая задача, мало разработанная и неразрывно связанная, в другом плане, с осмыслением исторического опыта города, спектра сюжетов и персонажей, репрезентирующих Томск и определяющих его человеческий облик, художественную антропологию. Этот содержательный пласт, безусловно, шире главных мифологем и испытал сильнейшее воздействие идейных установок той или иной эпохи.

¹ См. опыт их литературной обработки у С.А. Заплавного [22].

Так, Томск в период выделения и становления своего литературного текста (последние десятилетия XIX – начало XX в.¹) предстает в художественных произведениях, публицистике и журнальных материалах городом прежде всего настоящего. В разрабатываемую на томском материале пеструю художественную антропологию сибирской провинции, значимую как для приезжих (В.Г. Короленко, Г.И. Успенский, К.М. Станюкович, А.П. Чехов), так и для региональных авторов (Н.И. Наумов, В.П. Картамышев, В.А. Долгоруков), особый акцент внесло областничество с его идеями особости, специфичности местных условий, требующими демонстрации, осознания и уважения со стороны столиц. Предметом презентации в результате становились актуальные события и социальные типы, демонстрирующие модернизационные возможности города в экономике, социальной жизни и культуре, и препятствия на пути их реализации: судьбы и нравы крестьянских переселенцев, в том числе староверов, ссыльно-каторжная и криминальная среда, жизнь купечества, городские администраторы и растущая интеллигенция, профессура и студенчество². В произведениях популярного характера, заметим, эта социальная антропология являла себя наиболее наглядно и, как в романах В.В. Курицына, могла распадаться на отдельные пласты – купеческо-криминально-чиновнический мир («Томские трущобы», «Человек в маске» и др.) и мир политической ссылки, подполья, радикальной интеллигенции (замысел и начало романа «В зареве пожара» о томских событиях 1905 г.).

В послереволюционный период антропология томского локального текста существенно изменилась, расслоившись на компонент исторический и современный. Старый Томск с его, как того требовали каноны соцреализма, противостоянием прогрессивно-революционных сил и реакционного купеческо-чиновничьего мира мог вы-

¹ В имагологическом плане явно неоцененным источником, демонстрирующим слабые стороны томского текста, как они виделись современниками, является сборник «Город Томск» (1912) [24]. В нем был предпринят первый опыт описания истории и мифологии города, персонажей культового канона, культурной топографии и т.п.

² Как справедливо подчеркнула Н.В. Жиликова применительно к установкам журналистики, «“сибирская тема” в изданиях Томска развивалась в нескольких направлениях: это прежде всего демонстрация условий, в которых живет сибиряк, предъявление фактов начальственного произвола, борьбы со стихией, положения сибирских инородцев; описание природных богатств и своеобразия сибирских народностей; эстетическое воспитание сибиряков на базе их приобщения к общемировым и общерусским культурным ценностям; требование применений к Сибири законов, действовавших в Европейской России, – введения земства, суда присяжных, реформы налоговой системы и т.д.» [25. С. 430].

ступать только предметом дистанцированного изображения («Последние дни его превосходительства» В.М. Бахметьева, сказы А.А. Мисюрева, более поздние «Нарымская повесть» И.К. Авраменко, «Заре навстречу» В.М. Кожевникова, романы Г.М., Ф.М. и И.М. Марковых и т.п.), а новый Томск, до поры не затронутый индустриализацией, представал городом студенчества, профессуры, интеллигенции – «кузницей кадров», как его описали А.В. Луначарский и И.Г. Эренбург. К сожалению, аутентичные зарисовки томской жизни послереволюционной и сталинской эпохи с ее сюжетами и персонажами (старая и новая интеллигенция, ссыльные и спецпереселенцы, советская номенклатура) известны нам в очень ограниченном объеме – в основном через эгодокументы писателей: Н.А. Клюева, Н.Р. Эрдмана, «В своем углу» С.Н. Дурылина, посмертно изданную «Вторую колею» Ф.И. Тихменева, ретроспективную «Нарымскую хронику» В.Н. Макшеева.

В антропологии томского локального текста последнего полувека постепенно ослабевает значимость модернизаторского посыла и акцентировка определенного образа будущего, свойственные и областнической, и советской программе. Последним модернизационным всплеском явилась хозяйственно-административная деятельность Е.К. Лигачева 1965–1983 гг., результатом которой стало добавление к палитре региональной словесности производственной тематики с ее набором сюжетов и социальных типажей – управленец, инженер, рабочий-вахтовик и т.п. (Г.М. Марков, В.М. Кожевников, В.А. Колыхалов, серия коллективных книг 1975–1980 гг. «Стрежевой», «Трудный колос», «Тажная новь», «Любимый город», «Пробуждение глубины»).

В условиях более свободной самопрезентации образ региона усложнился, испытав влияние, свойственное русской литературе 1960–1980-х гг. в целом, почвеннических установок, обращавших к поискам истоков – исторических, национальных, социальных. Их воплощением явилась в том числе и Сибирь, причем в случае Томской области не только крестьянская (В.В. Липатов), но и связанная с коренными народами («Из племени кедра», «Югана» А.Г. Шелудякова), с жизнью рядовых людей поселков и провинциальных городков и городов – библиотекарей, учителей, служащих и рабочих, пенсионеров (Л.А. Гартунг, М.Л. Халфина, В.М. Макшеев, С.А. Заплавный, Б.Н. Климычев, В.А. Колыхалов и др.). В этой человеческой панораме переплелись аллюзивные знаки и отголоски истории

ческих испытаний (гражданская война, репрессии, спецпереселения), суровой природы, не слишком устроенного быта и социальных условий, рефлексии провинциальности, объединенные общим пафосом «нормальности», свойственным позднесоветскому этосу. В постперестроечной томской литературе почвеннический импульс перенесся из сферы настоящего в реконструкцию прошлого города, вызвав всплеск «мемориальной» и документально-биографической словесности, исторической и историко-мифологической романистики (В.Н. Макшеев, В.М. Костин, С.А. Заплавный, Б.Н. Климычев, Г.И. Климовская). Современный Томск в прозе и поэзии нового поколения предстает как палимпсест, пространство старых и новых мифологем, модернизаторских и ретроспективных, в котором пытаются разрешить свои экзистенциальные проблемы обитатель российской провинции.

Еще одной методологической новацией, позволившей в последнюю четверть века существенно углубить региональные литературные изучения, явилась пришедшая из психологии и социологии теория идентичности, сосредоточенная на экспликации комплекса представлений и ориентаций, скрепляющих те или иные сообщества, в данном случае территориальные. Хотя сама категория региональной идентичности разработана далеко не достаточно и продолжает быть предметом противоречивых суждений [26–28], ее применение придало иной вектор литературной регионалистике, преодолевшей внутренние ограничения краеведческого пиксановского подхода с его нацеленностью на описание «областных гнезд» как эмпирических общностей, биографических связей местных литераторов. В орбиту изучения вошли практики культурного конструирования региональных сообществ, как стихийно складывающиеся, так и программные, включая институциональные инструменты их реализации в определенных сферах литературного процесса – в виде писательских и читательских объединений, литературной критики, журнальных органов, книгоиздательских стратегий, публичных библиотек.

В рамках данной методологии исследователю томской литературной идентичности приходится столкнуться с существенной проблемой, отразившейся и в истории изучения местной литературной жизни. Несмотря на то, что Томск уже в последней трети XIX в. стал средоточием регионального литературного процесса в плане кон-

центрации писательских сил, журналистики, книгоиздания, а в конце столетия начал формироваться его локальный текст, в идентификационном плане, находясь в мощном поле областнической идеологии, город представлялся лишь репрезентацией общесибирской культуры и ее самосознания. О «томскости» в ее литературном проявлении здесь возможно говорить скорее как об одном из элементов или уровней сибирской идентичности. Только когда к 1930-м гг. областничество было окончательно задавлено, на фоне падающей интенсивности литературного процесса в середине XX в. начали формироваться локальные идентичности отдельных сибирских регионов, что проявилось в становлении местных краеведческих штудий, в собирании, по пиксановской модели, биографических свидетельств о писателях той или иной области или города. Орудием институализации этого процесса стало создание региональных отделений Союза писателей СССР, интенсивно проходившее в 1950–1970-е гг. В частности, томская писательская организация была создана в 1963 г. Степень влиятельности и содержательное наполнение местных идентичностей, безусловно, изменялись на протяжении последнего полувека, но даже глубокие социокультурные изменения постсоветского периода в большинстве случаев не привели к их распаду. Более того, в последнее 10–15-летие они стали осознаваться как специфический культурный ресурс, средоточие символического капитала территории, нуждающегося в культивировании, пропаганде, разработке местного канона.

Изучение томской литературной идентичности, ее генезиса, статуса и динамики в определенные исторические периоды пока не выделилось в самостоятельную сферу, растворяясь либо в сибиреведческих исследованиях в целом, либо в разысканиях, касающихся местного литературного процесса и его отдельных участников. В этом плане можно, очевидно, говорить о методологическом запаздывании, оперировании традиционным краеведческим аппаратом, что выражается в отсутствии разработанной концепции томской литературной жизни XIX и особенно XX в. Здесь можно назвать только два опыта. Первый – статья А.П. Казаркина «Вехи литературной жизни Томска» [4], предвещающая антологию произведений современных томских писателей и сжато характеризующая основные этапы развития региональной литературы: областническая словесность и журналистика второй половины XIX в., «Молодая Сибирь» начала XIX в., писательские фигуры сталинской эпохи, авторы 1960–1990-х гг.

Томская литературная история здесь выстраивается на фоне истории сибирской и общерусской литературы, задающих основную канву, и предстает в качестве участия или включения в них писателей, объединенных Томском как местом рождения, дебюта, этапа жизни и творчества или всей биографии. Второй, совсем недавний опыт – книга «Хроника литературной жизни Томской области», составленная С.А. Заплавным и А.В. Яковенко [29], во многом восполняет лакуны, связанные с собственно литературной жизнью, литературным процессом региона, его организаторами, деятелями, ключевыми событиями, писательскими объединениями, и дает хорошую фактографическую основу для реконструкции институционального поля местной словесности. Очевидно, концептуально выстроенная и детализированная история литературы Томска может сложиться только при условии координированных изучений региональной идентичности, художественно-биографического материала и литературных институтов.

Наиболее успешно пока разрабатываются, пожалуй, биографические аспекты, начало изучения которых было заложено еще в первые десятилетия XX в. Так, уже в книге «Город Томск» (1912) [24] мы находим очерки жизни нескольких литературных деятелей, как-либо связанных с Томском и внесших свой вклад в его культурную жизнь, – Г.С. Батенькова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Н.И. Наумова, И.А. Кущевского. Примечательно, что контекстом их биографий выступили в книге обзоры томской журналистики (В.М. Крутовский), театральной жизни (Г.А. Вяткин) и искусства (А.В. Адрианов), а также культурно-просветительских организаций (Г.Н. Потанин). В послереволюционные годы томское краеведение потеряло по воле обстоятельств свою цельность и оказалось растворено в сибиреведческих разысканиях, однако соответствующий биографический материал нашел отражение в статьях «Сибирской советской энциклопедии» (1929–1932), не доведенной, к сожалению, до пятого тома, где должен был фигурировать и Томск. Связанные с городской литературной жизнью мемуарные и критические материалы периодически появлялись в 1920–1950-е гг. на страницах «Сибирских огней» [30].

Самостоятельные краеведческие штудии возобновились в Томске вместе с активизацией местной литературной жизни и началом формирования локальной идентичности, позволившей осознать особую ценность связанных с городом свидетельств и материалов. Они

начали публиковаться с 1945 г. в выпусках альманаха «Томск», издание которого продолжилось до 1958 г. (статьи об А.Н. Радищеве, истории университета, Н.И. Наумове, В.Я. Шишкове). Академический характер краеведческие разыскания приобрели благодаря сборнику 1954 г. «Русские писатели в Томске» [31], представлявшему собой опыт краткого обзора биографических материалов о литераторах, посещавших город и / или участвовавших в местных газетах и журналах (А.Н. Радищев, В.Г. Короленко, Г.И. Успенский, К.М. Станюкович, Н.И. Наумов, А.П. Чехов, В.Я. Шишков, В.М. Бахметьев, Г.М. Марков). С этого момента, пожалуй, можно вести речь о формировании регионального литературного канона. Итоговый свой вид в части, относящейся к классическому периоду, он нашел в коллективной монографии 1996 г. с тем же названием «Русские писатели в Томске» [32], подготовленной силами кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (ТГУ) и существенно расширившей историко-литературный материал обращением к томским эпизодам биографии репрезентативных писателей XVII–XIX вв. (протопоп Аввакум, А.Н. Радищев, Г.С. Батеньков, лицеисты пушкинского выпуска, Ф. Толль, К.М. Станюкович, В.Г. Короленко, Г.И. Успенский, Ф.В. Волховский, Н.И. Наумов, А.П. Чехов). Библиография созданных за более чем 65 лет статей и монографий об этих сюжетах велика и продолжает расти, подвигая на издание сводов материала и указателей, посвященных томским связям А.П. Чехова [33].

Новым важным явлением здесь выступила обозначившаяся в последние годы тенденция к обогащению канона фигурами литераторов локального масштаба. Под эгидой Томской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина усилиями В.М. Костина, А.В. Яковенко, Н.В. Жиликовой и др. была выпущена серия книг, публикующих избранное, рассеянное, как правило, в периодике, наследие томских авторов XIX в. (П.П. Аршаулов, В.А. Долгоруков, В.П. Картамышев, В.В. Курицын) в сопровождении литературоведческих обзоров их творчества, биографии, издательско-журнальной деятельности [34–37]. Еще одним важным элементом в выстраивании литературного канона стала публикация Томской писательской организацией книжной серии «Томская классика», предлагающей новые издания наиболее репрезентативных произведений, связанных с городом биографически или тематиче-

ски. Из авторов XIX в. в ее рамках на данный момент изданы романы и рассказы И.А. Кушевского, К.М. Станюковича и Н.И. Наумова.

Более сложным путем протекало осознание и выявление важнейших участников литературной жизни Томска XX в. Так, лучшая часть писателей, заявивших о себе в 1900–1910-е и в 1920–1930-е гг., по разным причинам была вычеркнута из официальной истории советской литературы, оказавшись в эмиграции (Г.Д. Гребенщиков), подвергшись репрессиям (Г.А. Вяткин, Ф.И. Тихменев, И.Г. Гольдберг), будучи ссыльными обитателями города (Н.А. Клюев, Н.Р. Эрдман). Из оставшихся значительными фигурами были только В.Я. Шишков, активный деятель «Молодой Сибири», и проводившие часть жизни в Томске писатели-фантасты В.А. Обручев и А.П. Казанцев. Они удостоились внимания достаточно своевременно, остальные вошли в число «возвращенных имен» русской, сибирской и томской словесности только в 1980–2000-е гг.

Подобные разрывы не благоприятствовали выявлению историко-литературной преемственности и заставляли вести отсчет новой региональной литературы едва ли не с чистого листа, причем принимая в расчет конъюнктуру исходящего из столицы официального признания, благодаря чему «классиками» быстро были объявлены томики по происхождению Г.М. Марков, Г.Е. Николаева, В.М. Кожевников. Закономерно, что первые опыты имманентного выстраивания пантеона современных авторов появились только в середине 1970-х гг. в книге аспирантки ТГУ Т.А. Заплавной (Каленовой) «Томские писатели» с краткими биографическими очерками 29 местных литераторов [38].

По-настоящему же пора осмысления и систематизации биографического и критического материала пришла только в 2000-е гг., когда символический капитал «лауреатов» уже не заслонял определившиеся благодаря читательскому признанию и мнению критики репутации наиболее примечательных местных писателей, включая «возвращенные имена». Субъективно-мемориальным опытом такого рода явилась, например, книга Р.И. Колесниковой, исследователя и публикатора наследия томских литераторов, «В книге судеб ошибок не бывает» (2005, 2007) с написанными на основе разысканий и во многом личных воспоминаний очерками о В.А. Обручеве, В.Я. Шишкове, Ф.И. Тихменеве, А.П. Казанцеве, В.И. Казанцеве, Т.А. Каленовой, С.А. Заплавном [39]. Важными шагами в этом направлении стало издание с 2004 г. под эгидой Томской областной

универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина комплекса биобиблиографических указателей из серии «Жизнь замечательных томичей», создающих необходимые предпосылки для целостного осмысления жизни и творчества писателей XX в. – В.Я. Шишкова, В.Н. Макшеева, Э.В. Бурмакина, В.Д. Колупаева, М.Л. Халфиной, Т.А. Каленовой, Г.Е. Николаевой, В.В. Липатова, Г.М. Маркова [40–48]. Их органично дополняют переиздания в уже упомянутой книжной серии «Томская классика» наиболее известных произведений Г.Д. Гребенщикова, В.Я. Шишкова, В.А. Обручева, Н.А. Клюева, Ф.И. Тихменёва, Г.М. Маркова, М.Л. Халфиной, В.В. Липатова, Вл.А. Колыхалова, В.Д. Колупаева, Б.Н. Климычева. Современную панораму литературной жизни Томска представляет антология «Томские писатели», где подборки произведений сопровождаются краткими биографическими справками [49]. Ориентации читателей и накоплению литературно-биографических сведений служат и электронные ресурсы энциклопедически-краеведческого характера – «Земля Томская: краеведческий портал» (<http://kraeved.lib.tomsk.ru>) и «Литературный Томск» (<http://lit.lib.tomsk.ru>).

Выстраиванию этого большого материала в связную историю региональной литературы препятствует, думается, малая пока интенсивность институциональных изучений и недостаточность их учета в реконструировании авторских биографий. Так, существенной и очевидной проблемой является внутренняя неоднородность томского литературного канона, который формируют как временные или вовсе эпизодические участники литературного процесса, проводившие в городе лишь отдельные годы, а то и дни, так и фигуры постоянные. Эта черта присуща сибирской (и любой областной) литературе в целом, отмеченной постоянными перемещениями авторов между столицей и провинцией и внутри региона (Томск, Иркутск, Барнаул, Омск и т.п.). За ними стоят не только биографические мотивации, но и процессы импорта-экспорта определенных моделей культурного поведения (габитусов, используя терминологию П. Бурдьё) и художественного мышления. С подобной точки зрения томскую литературную жизнь важно осмыслить как динамику типов коммуникации, формирующих ее идеологическую и эстетическую направленность, что позволит объяснить механизмы подключения / ухода тех или иных литераторов к локальному литературному «полю».

Так, до 1880-х гг. о Томске возможно говорить лишь как о месте создания отдельных произведений и пребывания некоторых писате-

лей (А.Н. Радищев, Г.С. Батеньков, лицеисты пушкинского выпуска, Ф. Толль), не связанных друг с другом в плане литературных коммуникаций, т.е. как о месте импорта готовых социохудожественных моделей, транслируемых из столицы. Случай И.А. Кушевского, первого томича, рискнувшего стать профессиональным писателем, показывает, что возможность участия в литературной жизни предоставляла только столица. Формирование местной литературной среды происходит лишь тогда, когда появляется самостоятельная площадка для коммуникации в виде журналистики («Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь»). Эти издания не имели специальной литературной цели и воплощали прежде всего общественно-политическую программу [25], но позволяли писателям взаимодействовать, объединяться (областники vs антиобластники [50]), печатать произведения. Формат редакционной группы как основного литературного института подразумевал ситуативность и пестроту участников, в число которых свободно входили временные лица (К.М. Станюкович, В.Г. Короленко, Г.И. Успенский), надолго задержавшиеся в Томске (Ф.В. Волховский) или связанные с ним постоянно (Н.И. Наумов, В.А. Долгоруков, В.П. Картамышев). Это не отменяло импорта габитусов (народнические сценарии) и художественных (реализм с натуралистической окраской) моделей из столиц, но теперь они адаптировались к местным культурным условиям и читательским запросам.

Большей автономии литературного «поля» в начале XX в. способствовало возникновение нового института – дружеского общества, сложившегося вокруг Г.Н. Потанина и приобретшего благодаря собственному печатному органу, журналу «Молодая Сибирь», характер литературного объединения с достаточно стабильным составом, своей программой, эстетикой, скоординированной деятельностью. Вне связей с общественно-политической журналистикой и ее коммуникативными формами томская литература существовать еще не могла, даже романы, как в случае В.В. Курицына, наиболее плодотворного местного беллетриста, печатались на страницах газет. Представители «Молодой Сибири» (Г.Д. Гребенщиков, В.Я. Шишков, Г.А. Вяткин, И.Г. Гольдберг, А.Е. Новоселов) также были участниками «Сибирской жизни», «Сибирского вестника», «Сибирского наблюдателя» и других изданий, однако сценарии их поведения, идейные и художественные ориентиры, сплав традиционализма с модерными элементами уже не укладывались в рамки народниче-

ского культуртрегерства. Литература ими начинает осмысляться как самостоятельный источник «символического капитала», что подталкивало к изданию художественных сборников («Силуэты Томска», «Силуэты Сибири», «Первый литературный сборник сибиряков», «Второй литературный сборник сибиряков», «Северные зори» и др.) и авторских книг, взаимодействию со столичными писателями и журналами, к профессионализации.

Послереволюционные годы сломали наметившуюся коммуникативную модель, лишив Томск самостоятельного художественного книгоиздания и журналистики, без которых творчество отдельных писателей или деятельность литературных групп не могли быть представлены читателю. Это вызвало волну миграций, отъезда значительных литераторов в столицу или другие сибирские города, что коснулось и молодого поколения – А.П. Казанцев или Г.М. Марков, будучи уроженцами Томской области, свои дебюты 1930-х гг. осуществляют в Новосибирске, Омске, Москве. Нацеленность на экспорт литературных сил сочеталась с импортом соцреалистической эстетики и институциональных форм, калькированием столичных писательских объединений в виде томских отделений Пролеткульта или Сибирской ассоциации пролетарских писателей, которые, по сути, представляли собой литературные кружки, складывавшиеся вокруг талантливых организаторов (Ф.И. Тихменев, Г.Л. Поспелов, позднее Н.Ф. Бабушкин) и имевшие непрофессиональный характер.

Возрождение литературной жизни Томска происходило в рамках оригинальной советской системы работы с молодыми или начинающими писателями. Осуществленная в 1930-е гг. централизация лишила авторов иных каналов институционального утверждения кроме жестко регламентированного Союза писателей, что препятствовало обновлению поколений. Эта проблема была осознана в послевоенные годы, знаком чего стало в 1947 г. I Всесоюзное совещание молодых писателей (проводилось до 1989 г.), а способом ее решения – либерализация и институализация самостоятельной литературной жизни. В насыщенной университетской среде Томска подобные кружки складываются в ТПУ («Молодые голоса»), ТГУ, а также в Северске («Березка»). В 1940–1950-е гг. они получили возможность региональной консолидации в рамках областных совещаний молодых литераторов, обретения регулярных печатных органов (альманах «Томск», молодежные страницы газеты «Красное знамя», «Молодой ленинец», университетские многотиражки) и

выходов в книгоиздание (Томское книжное издательство). В 1960-е гг. на фоне общей активизации литературной жизни, выразившейся, в частности, в бурном успехе городских Дней поэзии в ТПУ и ТГУ, оказалась возможна институализация уже профессиональной составляющей – в виде томского отделения Союза писателей, руководства кружками состоявшихся литераторов (В.И. Казанцев, позднее В.Д. Колупаев). Специфической чертой Томска в 1960–1980-е гг. стала осознанная поддержка местной властью писательской элиты, что позволило не только делегировать таланты в Москву (В.В. Липатов, В.И. Казанцев, А.Г. Шелудяков), но закреплять их в городе и находить каналы публикации в региональных и центральных издательствах и печатных органах («Молодая гвардия»). Это способствовало формированию – в определенных пределах – художественной общности томских литераторов, которую, вероятно, можно определить как почвенничество в его экзотизирующей и / или социально-бытовой, социально-психологической версии.

В последние десятилетия радикальных изменений институциональной системы томской литературной жизни не произошло, хотя существенно понизилась значимость расколовшейся писательской организации (отделение Союза писателей России и Союза российских писателей), увеличился поток авторской миграции, упала активность литературных кружков, исчезло профессиональное городское художественное книгоиздание (в 1995 г. ликвидировано Томское книжное издательство). Ослабление этих скреп приводит к большей атомизации, когда город на литературной карте Сибири или России представляют не столько писательские сообщества, сколько отдельные авторы, индивидуально находящие инструменты для выхода в широкое коммуникативное пространство – через современные институты национальных литературных конкурсов и премий, «толстые» журналы, книжные издательства и сети книгораспространения. Попытки создания их аналогов в Томске (премия В.Я. Шишкова, премия Н.А. Клюева, журналы и альманахи «Сибирские Афины», «Начало века», «Каменный мост») пока не имели громкого резонанса, оставаясь локальным явлением, но, вероятно, в нынешних условиях это единственный вариант преодоления провинциальности и привлечения к городу внимания национальной литературной аудитории.

Литература

1. *История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.* / гл. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
2. *Очерки русской литературы Сибири: в 2 т.* Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1. 608 с.; Т. 2. 632 с.
3. *История русской литературной критики Сибири: проспект.* Новосибирск: Наука, 1989. 132 с.
4. *Казаркин А.П.* Вехи литературной жизни Томска // *Томские писатели.* Томск: Красное знамя, 2008. С. 7–33.
5. *Сибирский текст в русской культуре.* Томск: Сибирика, 2002. 271 с.
6. *Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания.* Томск: Сибирика, 2003. 216 с.
7. *Сибирский текст в русской культуре.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 2. 273 с.
8. *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // *Сиб. филол. журн.* 2002. № 1. С. 27–35.
9. *Серебренников Н.В.* Опыт формирования областнической литературы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 307 с.
10. *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 300 с.
11. *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве.* Красноярск: СФУ, 2010. 234 с.
12. *Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л.: Госиздат, 1928. 148 с.
13. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.
14. *Анциферов Н.П.* Краеведный путь в исторической науке: (Историко-культурные ландшафты) // *Краеведение.* 1928. Т. 5, № 6. С. 321–328.
15. *Текст пространства: материалы к словарю.* Тверь: СФК-офис, 2014. 368 с.
16. *Алтайский текст в русской культуре.* Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002–2015. Вып. 1–6.
17. *Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX в.: антология: в 5 т.* Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2012.
18. *Резанова З.И.* Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) // *Язык и культура.* 2010. № 1. С. 74–84.
19. *Ермоленкина Л.И.* Динамика мифологемы Сибирские Афины как отражение урбанистской идентичности // *Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы.* Томск, 2011. С. 63–85.
20. *Суханов В.А., Щербинин А.И.* Жизнь и смерть «Сибирских Афин»: проблема жизненного цикла метафорического топонима в различных дискурсах XX – начала XXI в. // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология.* 2017. № 47. С. 149–170.
21. *Гайдукова Е.Б.* Сюжет о царе-старце в русской литературной традиции: на материале корпуса текстов о праведнике Федоре Кузьмиче: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 215 с.
22. *Заплавный С.А.* Томские сказания. Томск: Красное знамя, 2007. 226 с.
23. *Томский литературный некрополь.* Томск: Красное знамя, 2013. 95 с.

24. *Город* Томск. Томск, 1912. 348 с.
25. *Жиякова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
26. *Шматко Н.А., Кочанов Ю.Л.* Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4. С. 94–97.
27. *Смирнягин Л.В.* О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: в 10 т.: материалы 4-го Конвента Рос. ассоциации междунар. исследований. М., 2007. Т. 2. С. 81–107.
28. *Замятин Д.Н.* Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна // АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (3). С. 4–36.
29. *Хроника* литературной жизни Томской области / сост. С.А. Заплавный, А.В. Яковенко; ред.: С.С. Быкова, Л.В. Чередникова. Томск: Томская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, 2016. 166 с.
30. *Сибирские огни*: Указатель содержания. 1922–1964. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 432 с.
31. *Русские писатели в Томске*: очерки: к 350-летию города Томска / ред. Н.Ф. Бабушкин. Томск: Обл. лит. объединение, 1954. 111 с.
32. *Русские писатели в Томске* / отв. ред. А.С. Янушкевич. Томск: Водолей, 1996. 192 с.
33. *Чехов и Томск* / сост. Э.К. Майданюк; ред. С.С. Быкова. Томск: Ветер, 2010. 286 с. Библиогр. указ.: с. 176–249.
34. *Петр Петрович Аршаулов*: сборник материалов / сост. В.М. Костин, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск: Ветер, 2012. 204 с.
35. *Всеволод Алексеевич Долгоруков*: сборник материалов / сост. В.М. Костин, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск: Ветер, 2013. 239 с.
36. *Василий Петрович Картамышев*: сборник материалов / сост. В.М. Костин, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск: Ветер, 2014. 302 с.
37. *Валентин Владимирович Курицын (Не-Крестовский)*: сборник материалов / сост. А.В. Яковенко; ред.: С.С. Быкова, Л.В. Чередникова. Томск: Красное знамя, 2017. 240 с.
38. *Заплавная Т.А.* Томские писатели. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. 125 с.
39. *Колесникова Р.И.* В книге судеб ошибок не бывает. Томск: ТГУ, 2005. 208 с.; 2-е изд. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2007. 269 с.
40. *Вячеслав Яковлевич Шишков*: биобиблиографический указатель (к 120-летию со дня рождения) / сост. А.В. Яковенко; общ. ред. С.С. Быкова. Томск: Star, 2008. 219 с.
41. *Вадим Николаевич Макшеев*: биобиблиогр. указ. / сост. И.В. Никиенко, А.В. Яковенко. Томск, 2004. 75 с.
42. *Эдуард Владимирович Бурмакин*: биобиблиогр. указ. / сост. А.В. Яковенко; общ. ред. С.С. Быкова. Томск: Star, 2008. 102 с.
43. *Виктор Дмитриевич Колупаев*: биобиблиогр. указ. / сост. и авт. предисл. А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск, 2005. 44 с.
44. *Георгий Моисеевич Марков*: биобиблиогр. указ. / сост. Л.С. Траксель, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск, 2006. 248 с.
45. *Мария Леонтьевна Халфина*: биобиблиогр. указ. / сост. А.В. Яковенко; предисл. Л.Ф. Пичурина; ред. С.С. Быкова. Томск: Ветер, 2006. 63 с.

46. Галина Евгеньевна Николаева: (1911–1963): (библиогр. указ.) / сост. А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова; предисл. Л.Ф. Пичурина. Томск: Ветер, 2012. 133 с.
47. Виль Владимирович Липатов: (1927–1979): биобиблиогр. указ. / сост. А.В. Яковенко; под ред. С.С. Быкова. Томск: Томская полиграфическая компания, 2015. 133 с.
48. Тамара Александровна Каленова: биобиблиограф. указатель / сост. С.А. Заплавный, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск, 2016. 144 с.
49. Томские писатели: литературно-художественный сборник. Томск: Красное знамя, 2008. 447 с.
50. Жиликова Н.В. Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея общинничества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 289 с.

TOMSK IN RUSSIAN LITERATURE: PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 8, pp. 36–61. DOI: 10.17223/24099554/8/3

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: Siberian literature, literary regionalism, Tomsk, Tomsk local text, literary life of Tomsk.

The research is supported by Russian Foundation of Basic Research (RFBR) Grant No. 17-14-70002 a (p) “Russian writers in Tomsk: Tomsk local text and regional literary process”.

The article analyses the state of research of Tomsk as the centre of literary life. It identifies the main methodological tendencies of modern Siberian studies (a description of the Siberian text of Russian literature and the study of regional literary identity) and raises the question of their possible application to the Tomsk material.

An attempt was made to outline and describe the key components of the Tomsk local text, which began to take shape by the end of the 19th century and was mainly developed in the Soviet period. First of all, these are central mythologems which represent the modernising and traditionalist image of the city (the university myth of the “Siberian Athens” and the mystery of the elder Fyodor Kuzmich), as well as images of the Tomsk prison, penal servitude and exile. Further, it is the landscape and topography of Tomsk which turned out to be able to generate detailed literary images (*Tomskie trushchoby* [Tomsk Slums] by V.V. Kuritsyn) already in the beginning of the 20th century and have accumulated rich literary semantics over the century. Finally, this is a specific artistic anthropology which experienced the strongest influence of the ideological attitudes of this or that epoch: topical events and social types which demonstrate the city’s modernising possibilities in the literature of the late 19th and early 20th centuries, the characters of the old merchant-bureaucratic and new proletarian-university Tomsk in Soviet literature, the Pochvennichestvo human world of the late-Soviet Tomsk literature.

The second subject of the article is Tomsk literary identity. The study of its genesis, status and dynamics in certain historical periods has not yet emerged into an independent sphere being part of either Siberian studies in general or research on individual participants in the local literary process. In this regard, there is an obvious delay in methodology because research operates with the traditional regional studies apparatus, which is proved,

among other things, by having only one comprehensive review of the Tomsk literary life of the 19th and 20th centuries (*Vekhi literaturnoy zhizni Tomsk* [Milestones of the literary life of Tomsk] by A.P. Kazarkin). The most successful aspects being developed so far are biographical, but the conceptualised and detailed history of Tomsk literature can be formed only under coordinated studies of artistic and biographical material and literary institutions. The article offers a brief overview of the institutional history of Tomsk literature: journal communications and editorial groups at the end of the 19th century, the friendly society of G.N. Potanin and the professional literary association *Molodaya Sibir'* [Young Siberia] in the early 20th century, the levels of non-professional (literary circles) and professional (Tomsk branch of the Writers' Union) communications of the Soviet period, the experience of using modern literary institutions in the 1990s–2010s.

References

1. Blazhes, V.V. & Sozina, E.K. (eds) (2012) *Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [History of the literature of the Urals. The end of the 14th–18th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Okladnikov, A.P. (ed.) *Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t.* [Essays on the Russian literature of Siberia: in 2 vols]. Novosibirsk: Nauka.
3. Yakimova, L.P. (ed.) (1989) *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki Sibiri: prospekt* [History of Russian literary criticism of Siberia: a brochure]. Novosibirsk: Nauka.
4. Kazarkin, A.P. (2008) *Vekhi literaturnoy zhizni Tomsk* [Milestones of the literary life of Tomsk]. In: Kryukov, V. & Skarlygin, G. *Tomskie pisateli* [Tomsk writers]. Tomsk: Krasnoe znamya.
5. Kazarkin, A.P. (ed.) (2002) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian text in Russian culture]. Tomsk: Izd-vo "Sibirika".
6. Kazarkin, A.P. (ed.) (2003) *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury. Opyt samoopisaniya* [Siberia in the context of world culture. Experience of self-description]. Tomsk: Izd-vo "Sibirika".
7. Kazarkin, A.P. & Serebrennikov, N.V. (eds) (2007) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian text in Russian culture]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
8. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologem of Siberia: the issue of the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35.
9. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of the literature of Siberia in the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Anisimov, K.V. (ed.) (2010) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [The Siberian text in the national plot space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
12. Pksanov, N.K. (1928) *Oblastnye kul'turnye gnezda: Istoriko-kraevednyy seminar* [Regional cultural clusters: Historical and regional study seminar]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo.

13. Antsiferov, N.P. (1922) *Dusha Peterburga* [The soul of Petersburg]. Petrograd: Brokgauz-Efron.
14. Antsiferov, N.P. (1928) Kraevednyy put' v istoricheskoy nauke. (Istoriko-kul'turnye landshafty) [Regional studies in historical science. (Historical and cultural landscapes)]. *Kraevedenie*. V:6. pp. 321–328.
15. Milyugina, E.G. & Stroganov, M.V. (2014) *Tekst prostranstva: materialy k slovaryu* [Text of space: materials for the dictionary]. Tver: SFK-ofis.
16. Chernyaeva, T.G. et al. (eds) *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Altai text in Russian culture]. Vols 1–6. Barnaul: Altai State University.
17. Kulyapin, A.I. (ed.) (2012) *Obraz Altaya v russkoy literature XIX – nachala XX vv.: antologiya: v 5 t.* [The image of Altai in Russian literature of the 19th – early 20th centuries: an anthology: in 5 vols]. Barnaul: Izdatel'skiy dom “Barnaul”.
18. Rezanova, Z.I. (2010) Mifologema “Toms – Sibirskie Afiny” v kommunikativnykh taktikakh publitsisticheskogo diskursa (na materiale ezhenedel'noy periodiki g. Tomsk) [Mythologem “Toms as Siberian Athens” in the communicative tactics of journalistic discourse (on the material of the weekly periodicals of Tomsk)]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1. pp. 74–84.
19. Ermolenkina, L.I. (2011) Dinamika mifologemy Sibirskie Afiny kak otrazhenie urbanistskoy identichnosti [Dynamics of the mythologem Siberian Athenes as a reflection of urban identity]. In: Orlove, O.V. et al. *Aktual'nyy srez regional'noy kartiny mira: kul'turnye kontsepty i neomifologemy* [The contemporary section of the regional picture of the world: cultural concepts and neomythologems]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. S.
20. Sukhanov, V.A. & Shcherbinin, A.I. (2017) Life and death of the “Siberian Athens”: the problem of the life circle of the metaphorical toponym in the discourses of the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 149–170. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/11
21. Gaydukova, E.B. (2008) *Syuzhet o tsare-startse v russkoy literaturnoy traditsii: na materiale korpusa tekstov o pravednike Fedore Kuz'miche* [The plot of the old czar in the Russian literary tradition: on the material of the body of texts about the righteous Fyodor Kuzmich]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
22. Zaplavnyy, S.A. (2007) *Tomskie skazaniya* [Tomsk legends]. Tomsk: Krasnoe znamya.
23. Nazarenko, T. (ed.) (2013) *Tomskiy literaturnyy nekropol'* [Tomsk literary necropolis]. Tomsk: Krasnoe znamya.
24. Siberian Press Association in Tomsk. (ed.) (1912) *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske.
25. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of the city of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Shmatko, N.A. & Kochanov, Yu.L. (1998) *Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya* [Territorial identity as a subject of sociological research]. *Sotsis – Social Studies*. 4. pp. 94–97.
27. Smirnyagin, L.V. (2007) [On regional identity]. *Prostranstvo i vremya v mirovoy politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: V 10 t.* [Space and time in world politics and international relations: In 10 vols]. Proceedings of the 4 Convention of the Russian Asso-

ciation of International Research. Vol. 2. Moscow: MGIMO-Universitet. pp. 81–107. (In Russian).

28. Zamyatin, D.N. (2014) Soprostanstvennost', territorial'naya identichnost' i mesto: k ponimaniyu politik postmoderna [Co-spatiality, territorial identity and place: to the understanding of postmodern policies]. *ARKTIKA. XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 2 (3). pp. 4–36.

29. Bykova, S.S. & Cherednikova, L.V. (eds) (2016) *Khronika literaturnoy zhizni Tomskoy oblasti* [Chronicle of the literary life of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. A.S. Pushkina.

30. Soustina, A.F. & Suvorova, A.V. (1967) *Sibirskie ogni. Ukazatel' soderzhaniya. 1922–1964* [Sibirskie ogni: index of contents. 1922–1964]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

31. Babushkin, N.F. (ed.) (1954) *Russkie pisateli v Tomske: ocherki: k 350-letiyu goroda Tomsk* [Russian writers in Tomsk: essays: to the 350th anniversary of Tomsk]. Tomsk: Oblastnoe literaturnoe ob'edinenie.

32. Yanushkevich, A.S. (ed.) (1954) *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley.

33. Bykova, S.S. (ed.) (2010) *Chekhov i Tomsk* [Chekhov and Tomsk]. Tomsk: Veter.

34. Bykova, S.S. (ed.) (2012) *Petr Petrovich Arshaulov: sbornik materialov* [Petr Petrovich Arshaulov: a collection of materials]. Tomsk: Veter.

35. Bykova, S.S. (ed.) (2013) *Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: sbornik materialov* [Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: a collection of materials]. Tomsk: Veter.

36. Bykova, S.S. (ed.) (2014) *Vasilij Petrovich Kartamyshev: sbornik materialov* [Vasily Petrovich Kartamyshev: a collection of materials]. Tomsk: Veter.

37. Bykova, S.S. & Cherednikova, L.V. (eds) (2017) *Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Ne-Krestovskiy): sbornik materialov* [Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Non-Krestovskiy): a collection of materials]. Tomsk: Krasnoe znamya.

38. Zaplavnaya, T.A. (1974) *Tomskie pisateli* [Tomsk writers]. Tomsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.

39. Kolesnikova, R.I. (2007) *V knige sudeb oshibok ne byvaet* [There are no mistakes in the book of fate]. 2nd ed. Tomsk: Izdatel'stvo nauchno-tehnicheskoy literatury.

40. Bykova, S.S. (ed.) (2008) *Vyacheslav Yakovlevich Shishkov: biobibliograficheskiy ukazatel' (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Vyacheslav Yakovlevich Shishkov: biobibliographic index (on the 120th anniversary of his birth)]. Tomsk: Star.

41. Nikienko, I.V. & Yakovenko, A.V. (2004) *Vadim Nikolaevich Maksheev: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Vadim Nikolaevich Maksheev: biobibliographic index]. Tomsk: [s.n.].

42. Bykova, S.S. (ed.) (2008) *Eduard Vladimirovich Burmakina: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Eduard Vladimirovich Burmakina: biobibliographic index]. Tomsk: Star.

43. Bykova, S.S. (ed.) (2005) *Viktor Dmitrievich Kolupaev: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Viktor Dmitrievich Kolupaev: biobibliographic index]. Tomsk: [s.n.].

44. Bykova, S.S. (ed.) (2006) *Georgiy Mokeevich Markov: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Georgiy Mokeevich Markov: biobibliographic index]. Tomsk: Veter.

45. Bykova, S.S. (ed.) (2006) *Mariya Leont'evna Khalfina: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Maria Leontyevna Khalfina: biobibliographic index]. Tomsk: Veter.

46. Bykova, S.S. (ed.) (2012) *Galina Evgen'evna Nikolaeva: (1911–1963): (bibliograficheskiy ukazatel')* [Galina Evgenievna Nikolaeva: (1911–1963): (bibliographic index)]. Tomsk: Veter.

47. Bykova, S.S. (ed.) (2015) *Vil' Vladimirovich Lipatov: (1927–1979): biobibliograficheskiy ukazatel'* [Vil' Vladimirovich Lipatov: (1927–1979): biobibliographic index]. Tomsk: Tomskaya poligraficheskaya kompaniya.
48. Bykova, S.S. (ed.) (2016) *Tamara Aleksandrovna Kalenova: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Tamara Alexandrovna Kalenova: biobibliographic index]. Tomsk: [s.n.].
49. Kryukov, V. & Skarlygin, G. (eds) (2008) *Tomskie pisateli: literaturno-khudozhestvennyy sbornik* [Tomsk writers: literary and artistic collection]. Tomsk: Krasnoe znamya.
50. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolyutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva* [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk Province: the idea of regionalism]. Tomsk: Tomsk State University.